

Семипалатинск и другие города Семипалатинской области

"Семь палат" — Семипалатинск. Усть-Каменогорск и его окрестности. Прорыв Иртыша через горы. Развалины буддийского капища Аблайкит. Золотые россыпи в группе Калбинских гор. Калмыктологией и киргизская легенда об нем. Город Кокбеты.

Какая смесь — одежд, племен, наречий, состояний!..

А. Пушкин.

Резко отличается Семипалатинск от всех других сибирских городов. Семипалатинск — это своего рода Одесса на нашей среднеазиатской границе; но надо сознаться, что это сравнение впадает в карикатуру. Семипалатинск — город, как и Одесса, только отчасти русский; он напоминает также Одессу и своею ужасною песчанною пылью, которая подала повод местным жителям прозвать его "песочницей". Вместо кораблей и западноевропейских негодяев здесь имеются вереницы верблюдов из Туркестана и Китая и азиатские чужеземцы. Навьюченный верблюд, этот "корабль пустыни", представлен и на гербе области как указание на торговые сношения города с мусульманскими Востоком.

Город лежит на старинном торговом пути из Центральной Азии в Северную Европу. Уже в XVII веке здесь было население калмыцких лам. Русский посол в Китае, Федор Исакович Байков, нашел здесь каменные хоромы, в которых жили буддийские монахи: в окрестностях селения производилось хлебопашество. Позднее, в конце прошлого столетия, известный путешественник Паллас нашел только развалины калмыцких зданий, слывших в народе под названием "семь палат"; в честь их город и получил название Семипалатинска. Сюда направлялись караваны из Яркенда, Кашгара и Кульджи; близ города они переправлялись на правый берег

Иртыша. Впрочем, разгрузка караванов сначала производилась у Ямышевского озера, в местности, гораздо более северной. Семипалатинск начал получать торговое значение только с конца прошлого столетия. Соответственно этому возрастало и его население. Много поселилось в нем татар из Казани и сартов из независимого Туркестана. Наибольшего развития семипалатинская торговля достигла с открытием русских факторий в Кульдже и Чугучаке, т.е. в 50-х годах нынешнего столетия; но затем, с отложением Туркестана от китайской империи, вместе с разорением китайских городов Чугучака и Кульджи торговля в Семипалатинске упала.

Город расположен на высоком правом берегу Иртыша, в котором заметны твердые выступы сланцев. С берега открывается вид на далеко расстилающуюся на левом берегу киргизскую степь; вдаль, верстах в 40, виднеются на горизонте синеватые очертания скалистых гор Семейтау. Окрестности города безжизненны; площадь, занятая городом, представляет песчаную поверхность, кое-где бугристую. Песчаная и пустынная степь расстилается и вокруг города. Только бугры, чем дальше от него, становятся крупнее. Вдали, по окраине степи, в виде каймы ее облегает сосновый бор, порядочно вырубленный уже и имеющий в настоящее время вид рассеянных по горизонту дерев. Пустынное, безжизненное пространство между городом и бором трудно себе и представить. Здесь не встретишь ни красивого цветка, ни порхающей бабочки; серые, колючие растения, свойственные азиатским степям, скудно прикрывают почву.

Самый город, несмотря на усилия администрации придать ему физиономию, приличную для областного административного центра, представляет массу старых, деревянных строений, разбросанных на несколько групп широкими площадями, по которым свободно гуляет ветер, разносящий пыль с песчаных бугров. Не только на площадях, где бугры эти поднимаются так высоко, что, если смотреть с одного конца площади, здания на другом конце выглядывают из-за вершины заносов только в половину своей высоты, песчаные суметы покрывают и узкие улицы, поднимаются до крыш зданий, заваливают сады и бульвары.

Город состоит из двух частей — русской и татарской; последняя богаче и обширнее; в ней до десятка мечетей, минареты которых

издали придают городу восточный вид. Впрочем, мечети все деревянные, за исключением одной, очень красивой, построенной по плану известного архитектора Тона. Русских церквей в городе две. Общественной жизни в городе нет. Из учебных заведений имеется одна только прогимназия, существующая с 1864 года.

Жители города большею частью занимаются земледелием. Хотя вблизи города и заметны оросительные каналы прежних поселенцев-калмыков, однако ж ныне орошение не поддерживается и не продолжается. Что это — неумение или нежелание — трудно сказать. Пашни городских жителей находятся в местности Бэлыгач, лежащей в 25 верстах от города, в дачах Кабинета Его Величества. Землевладельцы платят в Кабинет за право пользования этими землями оброк. Так как место это лежит не близко от города, то жители переселяются туда на время летних работ с детьми, со всем своим скотом и домашней птицей. Городские же дома стоят в это время заколоченными. Местность Бэлыгач представляет высокую степь, залегающую среди сосновых боров; водных источников в этой местности нет, поэтому за водой приходится ездить на Иртыш за 20 верст. Впрочем, на многих участках устраиваются так называемые "щиты" или загородки из хвороста в виде буквы П, в которые зимой ветром набиваются сугробы снега; весной эти снежные запасы прикрывают толстым слоем соломы, чтоб задержать таяние. Из этих запасов по мере надобности отламывают снежные комья и кладут на жолоба. Снег тает, и вода по жалобам стекает в бочки, из которых ее берут для питья и в кухни. Местность к югу от Семипалатинска, вверх по Иртышу, становится приветливее; у устья р. Ульбы появляются передовые отроги Алтая, а еще южнее, дорога становится гористой. Город Усть-Каменогорск лежит уже со всех сторон окруженный горами.

Этот небольшой город, с 3400 жителей, тем и замечателен, что, за исключением Кузнецка, — единственный город в Алтае, расположенный внутри гористой страны; другие города лежат вне Алтая, при северной подошве его предгорий. Из городских мезонинов в Усть-Каменогорске во все стороны видны горы, но нельзя, сказать, чтоб они служили живописными рамками для города. Город расположен на ровной трехугольной площадке, которая с двух сторон обрезана течением сливающихся у самого города рею

Ульбы и Иртыша; третий бок треугольника окаймлен горами, которые образуют здесь прямой вал без всяких вырезок в гребне; ни ущелья или значительной неровности, ни опущенного лесом или кустарником ската не видно из города на этом вале.

Вал на обоих своих концах обрывается двумя крутыми профилями, из-за которых и вырываются на городскую равнину две названные горные реки. Обрывы, нависшие тут над водой, очень картинны, но они обращены лицевой частью в сторону, противоположную городу. В других частях из города видны горы с более красивыми очертаниями; особенно выдается на юг за Иртышом стоящая среди отрога Калбинского хребта трехзубая гора Монастырь. Но эти горы далеко отстоят от города и служат только живописной далью картины. Берега обеих рек голы; только при слиянии их, у самого города, появляются тополя и ивы, образующее рощи с топкой, глинистой, часто заливаемой водою почвой. Вообще, город лишен мест, удобных для общественных гуляний; городского сада также нет.

Вместо загородных прогулок жители ездят на пасеки. Удивительный контраст с этими окрестностями города поражает человека, если только он переваливает через прилегающие к городской земле горные высоты по другую их сторону, где его ожидают живописные леса, опущенные кустами черемухи и бузины, с разнообразной цветущей растительностью. В этих-то горных ложбинах и рассеяны многочисленные пасеки. По дну такого лога нередко шумно катит по камням ручей; некоторые из логов так круты, что и пешему трудно взбираться по его дну. Такой малодоступностью и дикостью картины отличается, например, лог, в котором течет Чертов ключ.

Городские жители занимаются исключительно земледелием; самые постройки в городе напоминают более сибирские деревни; только в середине города встречаются пять, шесть деревянных домов с городской внешней отделкой, каменных домов вовсе нет. В особенности напоминают деревню задние улицы, где низенькие домики разьединены большими огородами и улицы состоят из невысоких тынов, увитых повиликой (*CopuиYiiПиз агуепзиз*) и заросших бурьяном из крапивы и репья, из-за зелени которых подсолнухи выставляют свои желтые круги. Образованное общество в городе

немногочисленно; изредка оно сплавивается в клуб, но вообще живет разьединенно. Ничтожная потребность его в интеллектуальной пище характеризуется отсутствием общественной библиотеки.

В полуверсте от города, по берегу Иртыша, под скалой находится пристань, где выгружается руда, доставляемая сюда по реке из Зырянковского рудника, лежащего в долине Бухтармы. Тут же переправа на пароме через Иртыш на киргизскую сторону; здесь переезжают через реку едущие по почтовой дороге в Зайсанский пост. У пристани, под скалою, по крутому косогору живописно лепятся один над другим домики служащих на горной пристани, а в стороне от этой слободки путешественник наталкивается на совершенно своеобразную картину. По высокому берегу реки тянутся ряды куч руды, вроде тех куч щебня, которые встречаются в европейской России подле шоссе; только здесь эти кучи занимают площадь в несколько сот квадратных сажен. Выше этого места Иртыш течет в тесных горах; здесь Алтай переходит на левый берег реки, и последняя течет в глубокой трещине, отделяющей Алтай от его западного продолжения, известного под названием Калбинского хребта.

Бухтарминский район с трудом сообщается с внешним миром. На востоке — трудная дорога через высокое алтайское плоскогорье Укэк ведет в Китай; это одна из самых трудных дорог в Алтае. С южной стороны Бухтарминской долины проходит высокий хребет, который только на западе понижается; из средней части долины через этот хребет приходится переваливать уже по высоким и крутым горным проходам, а еще восточнее, на последних 80 верстах к Куйтуну, т.е. к вершине р. Бухтармы, хребет так завален снегами, что совсем непроходим. На север, через Холзун, в северные долины Алтая ведут только горные тропинки, по которым можно проезжать верхом. Только на западе находятся более удобные выходы из долины, их два: один тележный, через северный хребет, ведет из крепости Бухтарминской в Усть-Каменогорск; другой — водный, по Иртышу. Оба эти пути не уступают друг другу по живописности. Вид Бухтармы в верхних частях, несмотря на дикость природы, прекрасен. Роскошная растительность долины составляет контраст с суровыми вершинами гор, уходящими в небо. Горная дорога проходит по двум ущельям речек Проходной

и Пихтовки. Проходная лежит на северном склоне хребта; узкая дорога извивается по дну ущелья, между скалистыми горами, местами поросшими целым лесом ели и пихты; вдоль дороги бежит ручей, местах в двадцати перебегая дорогу, по сторонам его густые заросли черемухи, жимолости, гороховника, шиповника, рябины и смородины. Еще более дико и грандиозно ущелье Пихтовки. По всей дороге торчат "чертовы зубья", как зовут местные жители вертикально стоящие сланцы, и бегут ручьи. Иногда теснина становится так узка, что экипаж на большом протяжении должен ехать по каменистому руслу Черной речки. И здесь долина густо заросла. Кустарники опушают берега речки, а хвойный лес или спускается вереницами по крутым логам между скалами, или стоит щетиной по гребню гор. Обе долины известны своими снежными лавинами, или по-здешнему — "опльвинами", которые в них бывают в зимнее время. Такие "опльвины" совершенно заваливают теснину, образуя высокий поперечный вал, который на несколько дней, пока рыхлый снег не затвердеет, прекращает сообщение по долине. Местами по этой дороге попадают небольшие казачьи станицы. Путь по Иртышу не менее богат романтическими видами, но горы, сопровождающие реку, безлесны и безлюдны, и потому путешествие по ней однообразно и утомительно.

Река на протяжении 120 верст течет, как здесь выражаются, "в трубе". С обеих сторон к реке толпятся отвесные скалы; береговой полосы нет, и на всем протяжении разве найдется места два-три, где можно было бы найти ровную площадку для поселения. Река течет чрезвычайно быстро.

Местами под скалами есть опасные прибои. Такие скалы с приboями известны здесь под названием "быки". Некоторые быки приобрели печальную известность, как, например, бык Шаранка, считающийся самым опасным, и ряд быков под названием "семь братьев", о которых говорят: "Если попадешь на первого брата — побываешь на всех семи". Другие скалы сделались известны в народе по причудливым очертаниям, как, например, Петух — черная сланцевая скала с вертикально поднимающимся от основания ее отростком.

На левом берегу Иртыша, против Усть-Каменогорска, как и против Семипалатинска, лежит киргизская степь, но здесь она на всем горизонте представляется усеянную горами. Выше других,

когда смотришь в эту сторону из города, выдается группа, известная у русских под именем Монастырь, а у киргизов — Аиртау. Эти горные группы и цепи в левом краю картины все ближе и ближе подходят к первому плану и, наконец, упираются в берег Иртыша посредством высокой скалистой массы, которую зовут Пригонной сопкой. Название это гора получила оттого, что сюда некогда приплывали олени во время своих перекочевок. Они обыкновенно лето проводили в вершинах Бухтармы, на альпах, а к зиме спускались на заречную сторону, где снега не бывают глубоки; осенью они уплывали выше города и выходили на берег у Пригонной сопки. Здесь охотники устраивали пригоны, т.е. строили городьбу на протяжении нескольких верст с отверстиями и ямами при них, куда звери падали и становились добычею охотников. Отсюда и имя горы. Теперь, конечно, и в помине нет ни зверей, ни охотников.

Переправившись против Пригонной сопки на левый берег Иртыша, путешественник едет на юг, постепенно поднимаясь в гору, местами довольно круто, по густой травянистой растительности, убранной крупными и яркими цветами. Затем начинается подъем на горы. Поднявшись на первый хребет, путешественник невольно оглядывается назад, чтоб бросить последний взгляд на остающийся сзади Алтай. Внизу виднеется Иртыш со своими плоскими лугами; город, растянулся вдоль его берега; за городом поднимаются многочисленные горы, одни выступая из-за других, пока, наконец, масса их не завершается едва различаемыми очертаниями Риддерских белков. Те высоты, которые были видны из города и загораживали собою этих великанов, только отсюда получают настоящую свою оценку. С перевала путешественник спускается в долину речки Урянхайки. Имя этой ничтожной горной речки, как и имя Пригонной сопки, — исторический памятник. Оно напоминает, что некогда (именно в половине прошлого столетия) здесь кочевало племя, называвшееся урянхайцами.

Племя это проводило лето на высоких и прохладных горах в вершинах Бухтармы, а на зиму, следом за стадами, спускалось к Иртышу, переходило на его левый берег, располагалось со своим домашним скотом в здешних малоснежных степях и охотилось за горными баранами. Охота эта продолжается на Бухтарме и доселе, но только она перешла ныне к киргизам.

От Урянхайки путешественник едет далее, то поднимаясь на хребты, то опускаясь в долины, в общем же, постепенно все поднимаясь на гребень Калбинского хребта, как называется самое западное продолжение Алтая, оторванное от него трещиной, по которой протекает Иртыш. Самую высокую группу, мимо которой проходит дорога, представляют Аблайкитские горы. Они так названы в честь развалин, лежащих у их подошвы. Здесь было устроено буддийское капище Аблайкит, обнесенное вокруг стеной, сложенной из дикого камня. За этой стеной располагались монахи в войлочных юртах. Капище было деревянное, построенное на террасе в сажень высоты, сложенной из диких камней. Еще Паллас в конце прошлого столетия застал здания целыми, хотя и пустыми. Ныне уцелели только терраса и окружающая ее стена, да возле террасы валяются камни, обтесанные в виде баз, служившие, вероятно, подставками под деревянные колонны, поддерживавшие потолок капища.

Окрестные горы замечательны золотоносными россыпями; прииски здешние беднее томских, но зато золото высшей пробы. Обстановка золотых приисков совсем другая. Рабочие — исключительно киргизы; труд дешевле. Здесь прииски не представляют такой замкнутой, почти изолированной жизни, как в тайге. Прииск разбросан на открытой местности среди немного волнистой степи. Впрочем, вид прииска и здесь тоскливо однообразен, далеко еще более однообразен, чем в тайге, хотя он и складывается из других элементов. Всюду серый цвет — и на холмах, окружающих прииски, и на вертикальных плоскостях разрезов. Яркой зелени глаз не встретит; трава, покрывающая скаты холмов, серовато-зеленая, как полынь. Разве только где-нибудь обнаженная белая глина резко сверкает на солнца. По этой тоскливой поверхности движутся сотни смуглых, полунагих киргизов, перетаскивая тачки по проложенным дорожкам; другие группы копошатся в разрезах, занятые раскопкой.

Далее путешественник вступает на плоские вершины Калбинского хребта, известные под названием Караджала, т.е. черная грива. Горы здесь плоские и высокие, почва мягкая, места прохладные, замечательные отсутствием овода. Здесь множество нор сурков, как и на других высоких хребтах Азии. Жилище этого зверка имеет вид большой норы вроде волчьей. Она открывается обыкновенно

на скате горы: часто над отверстием висит каменная глыба, точно крыша; с противоположной стороны отверстие окружено высоким отвалом вынесенной из норы земли, на которой всегда появляется густая трава из злаков, любящих разрыхленную землю. На этом отвале, как на ступенях у входа в здание, любят зверьки сидеть на задних лапках, посвистывая и прискакивая при каждом свистке. Они не обращают внимания на проходящих мимо и оглашают воздух своими перекликиваниями, пока не заметят, что путник направляется прямо к ним. Тогда животное мгновенно исчезает, как актер, проваливающийся сквозь землю на сцене.

На прохладных высотах Караджала проводят лето муруны, которые сюда приходят от подошвы Тарбагатая, при которой они имеют свои зимовки. Муруны — многочисленное и богатое киргизское поколение. Оно захватило в свое владение обширные земли. От зимовок до летнего жилья оно перемещает 30 кочевков, тогда как у других делается всего 4 или 5 кочевков.

С Караджала дорога спускается в равнину озера Зайсана. У самого конца спуска, на северной окраине этой равнины, стоит, как бы сторожа дорогу, куполообразная каменная вершина Калмыктологой. Название это монгольское, а не киргизское, как и название многих других здешних урочищ, потому что земли эти были еще в прошлом столетии заняты калмыками, а киргизы появились в них позднее. Тологой по-монгольски значит "голова". Это название часто дается монголами выдающимся куполообразным вершинам. Что значит калмык, неизвестно, но этот эпитет нередко встречается в Монголии как имя замечательных урочищ. О Калмыктологое у киргизов существует следующая легенда, вероятно, монгольского происхождения.

По словам легенды, Калмыктологой стоял прежде при подошве Тарбагатая, верстах в 150 от нынешнего места. Один сильный богатырь Сортактай, имя которого известно до сих пор и в Алтае на Катунь, и в Хангае в Монголии, задумал положить мост через Иртыш. Для этой цели он позвал своего сына и вместе с ним, взвалив гору на плечи, понес к Иртышу. При этом он предупредил сына, что предприятие их может удасться под условием, если они до окончания постройки моста воздержатся от брачного ложа. Но там, где ныне стоит Калмыктологой, гора опустилась и придавила

богатырей, потому что сын нарушил заповедь отца. От Калмыктологоя на юг стелется ровная степь. В 15 верстах от него, на берегу небольшой речки Кокбектинки, лежит город Кокбекты. "Город этот, — по словам одной русской путешественницы, — не что иное, как большая корзина". Действительно, в городе ничего не видишь, кроме плетней; заборы, скотские хлевы, сараи, амбары — все плетенное из ивы; сами дома большею частью — сплетенные из ивы мазанки. Население состоит преимущественно из казаков. В городе считается не более 2000 жителей; живут бедно. Окрестности города не представляют благоприятных условий для хозяйства; развитию хозяйства мешает также военно-поселенческий характер населения. Словом, город этот представляет собою не торгово-промышленный пункт, а пункт чисто административного управления, выбранный совершенно неудачно и не обещающий сколько-нибудь удовлетворительного развития в торгово-промышленном отношении.

Г. Н. Потанин

Живописная Россия.

СПб.; М., 1884. Т. 11. Западная Сибирь. С. 313-320.